

УДК 316.7

DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-3-0-5

Крокинская О. К. | «Люди не мыслят»: Гераклит и когнитивные проблемы культуры

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Набережная реки Мойки, д. 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия; krokinskaya@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования в этой статье являются социальные и культурные предпосылки когнитивных дефицитов (ограничений) в работе современного массового сознания. Явные отклонения в нем от рационального знания и логики часто заставляют полемически утверждать, что «люди не мыслят». Такое суждение, приписываемое Гераклиту, взято в статье за точку отсчета в поиске причин подобного явления. Среди социальных и культурных предпосылок феномена «люди не мыслят» в статье представлены дисфункции социального развития личности, расколы в персональной идентичности, стрессы самосохранения и господство парадигмы «народного холизма» – мироощущения, в котором ключевым принципом построения суждений является идеализированное целое (общее, единое), которое выше, ценнее и важнее единичного и индивидуального. Холистический способ мышления формирует и поддерживает социальные установки абсолютной власти, общинного коллективизма, патерналистского государства. По способу и результату подобные техники мышления порождают эффекты *инакоНЕмыслия* (термин М.К. Мамардашвили), препятствующие пониманию разнообразия мира, зато удобные для манипуляций массовым сознанием. Холистическая ментальность представляется производным от архетипов племенного сознания рода. Современная информационная политика, просвещение, образование не стремятся модернизировать представления общества на этот счет. Напротив, они поддерживают стереотипы мышления, укрепляют шаблонные средства их производства. По теоретическим подходам работа примыкает к исследованиям воплощенных форм познания. В ней применяются методы кейс-анализа и анализа текстов – аутентичных дискурсов и нарративов.

Ключевые слова: когнитивная наука; когнитивная социология; культура; социология культуры; массовое сознание.

Для цитирования: Крокинская О.К. «Люди не мыслят»: Гераклит и когнитивные проблемы культуры // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 3. С. 52-66. DOI: 10.18413/2408-932X2020-6-3-0-5

О. К. Krokinskaya | “People do not think”: Heraclitus and the cognitive problems of culture

Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., St. Petersburg, 191186, Russia;
krokinskaya@mail.ru

Abstract. The subject of this article is the social and cultural preconditions of cognitive deficits (limitations) in today’s public perceptions. Obvious deviations from ra-

tional knowledge and logic in contemporary mass consciousness often make it necessary to polemically assert that "people do not think". A similar judgment, attributed to Heraclitus, is taken in the article as a starting point in the search for the causes of this phenomenon. Among the social and cultural prerequisites of the phenomenon "people do not think", the article presents dysfunctions of social development of the personality, splits in personal identity, stress of self-preservation and the dominance of the paradigm "folk holism" – a worldview in which the key principle of building judgments is an idealized whole (common, unified), which is higher, more valuable and more important than the singular and individual. The holistic way of thinking forms and maintains the social attitudes of the absolute power, communal collectivism, and a single and indivisible paternalistic state. By the method and result, such thinking techniques generate the effects of *inakoNEmyslie* (Engl. *lack of dissent*, the Russian term coined by Merab Mamardashvili), as inability to think something differently, which create obstacles for understanding of the world's diversity, but it is convenient for manipulating the mass consciousness. The holistic mentality seems to be derived from the archetypes of the tribal consciousness of the clan. Modern information policy, enlightenment, education do not seek to modernize the perception of society in this regard. On the contrary, they support certain stereotypes of thinking, strengthen the stereotyped means of their production. In terms of theoretical approaches, the work adjoins research into embodied forms of cognition. It uses methods of case analysis and text analysis – authentic discourses and narratives.

Key words: cognitive science; cognitive sociology; culture, sociology of culture; mass consciousness

For citation: Krokinskaya O. K. (2020), "People do not think': Heraclitus and the cognitive problems of culture", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 6 (3), 52-66, DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-3-0-5

На излете эпохи модерна наука во многом исчерпала узко дисциплинарную форму дифференциации и осознала необходимость углубления в природу вещей «на стыках» разных наук. В социологии такое углубление происходит на разных уровнях: от включения в ткань социологического текста элементов знания других научных отраслей – до построения интегрированных теоретических моделей. Некоторые направления такой работы закрепились в форме так называемых «поворотов». Среди них исторический, культуральный, лингвистический, семиотический, нарративный, аффективный, даже зооповорот и другие, пока не очень определившиеся по статусу и методологии.

Они обозначили интерес социологии к новым для нее предметам исследования. Примерно с 60-х годов XX века развивается *когнитивный поворот в социологии* (Плотинский, 2010: 49-53). В нем раскрываются «мыслительные механизмы» социума, вырабатываются новые объяснения социальных фактов. При этом он явно или неявно направлен на контакты с собственно когнитивной наукой – полидисциплинарной областью исследований, в которую уже интегрированы, в том числе на экспериментальном уровне, культурная антропология, экспериментальная психология, философия сознания, лингвистика, нейронауки и проекты, связанные с искусственным интеллектом.

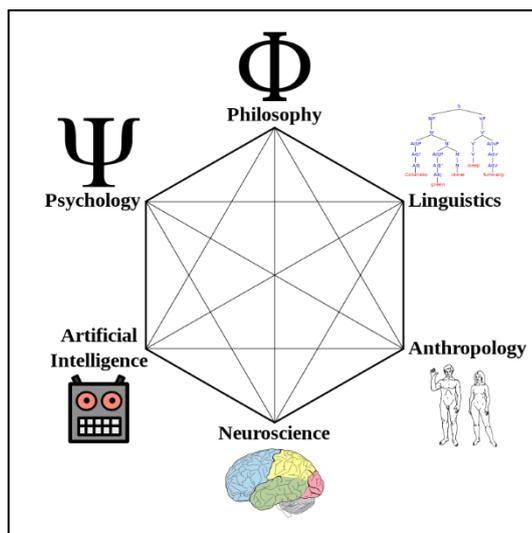

Рис. Основные направления полидисциплинарной когнитивной науки¹
Fig. The main directions of polydisciplinary cognitive science²

В этой сети познавательных взаимодействий социология значимо отсутствует, и это отсутствие, в общем, объяснимо: она наука не экспериментальная и заметно манипулируемая. Однако в ее репертуаре есть то, чем она может быть полезна когнитивистике – учет социальных контекстов мышления и готовность рассматривать мышление как социальный факт. Вот почему для понимания трудно объяснимых социальных явлений с одной стороны и социальных обусловленностей когнитивных процессов с другой представляется правильным усилия социологии и когнитивистики соединять.

Цель этой статьи – показать связь между социальными смыслами, циркулирующими в обществе, и условиями, в которых они произведены. Наряду с ранее выделенными в науке фактами социокогнитивного происхождения, такими как социальное конструирование значений, социально обусловленные особенности восприятия информации, воображаемые сущности (Плотинский, 2010: 56-57), здесь мы будем иметь в виду групповые особенности рецепции смыслов и способы построения суждений, укорененные в социальных структурах. По теоретическим

подходам работа примыкает к исследованиям так называемых воплощенных форм познания (Лакофф, Джонсон, 2004; Кроккинская, 2015). В ней применяются методы кейс-анализа и анализа текстов – аутентичных дискурсов и нарративов.

Однако прежде необходимо убедиться в самой способности социума к когнитивной работе. И здесь придется начать издалека.

Гераклит ставит диагноз. Древнегреческому философу Гераклиту приписывают парадоксальное и малоприятное для нас суждение: «Люди не мыслят». Судя по тому, что брюзжание мизантропа, каковым считают Гераклита, долетело и до нас, ему было на чем продержаться две с лишним тысячи лет.

Действительно: люди слепо верят мошенникам, не связывают между собой даже лежащие на поверхности факты, не замечают очевидных противоречий, путают причины и следствия, их представления поразительно единообразны и стереотипны... Подобные оценки широко присутствуют во мнениях, и нам необходимо понять, что за ними стоит. Для этого рассмотрим несколько реальных ситуаций.

¹ <https://ru.wikipedia.org/wiki/Когнитивистика>

² https://en.wikipedia.org/wiki/Cognitive_science

Кейс «Приятель Владислава».

Узнав, что я социолог, мастер капитально-го ремонта систем отопления, человек вполне зрелый, около 40 лет, спросил: «У нас кого больше – умных или глупых?».

Контекст возникшего вопроса следующий: приятель моего собеседника услышал в телевизионной передаче нечто шокирующее о стране и народе, который хорошо знал, и который теперь представал как враг. Чтобы проверить услышанное, он сделал запрос поисковой системе интернета с ключевыми словами о некоторых качествах этого народа, но нашел там только подтверждение своему мнению: пять миллионов результатов. Владислав тоже сделал подобный запрос, но в связи с народом нашей страны, и получил 11 миллионов результатов. Этим опытом они ничего друг другу не доказали, а Владислав посчитал своего приятеля глупым. Признаком глупости, с его точки зрения, выступил тот факт, что приятель принял на веру первый же ответ на свой запрос и никак не проверил его. И теперь уже сам Владислав (тоже ничего не проверив) обобщил этот свой вывод, полагая отныне, что среди населения есть целые отряды умных и глупых.

Я не готова говорить о глупости, имея в виду точный смысл этого слова, хотя это очень похоже на диагноз Гераклита (низкий уровень интеллекта, отсутствие здравого смысла, неспособность мыслить самостоятельно), но полагаю допустимым ставить вопрос в когнитивном ключе, то есть исследовать, как работает в сложных случаях познавательная способность субъекта социального поведения.

Понятно, что запрос поисковой системе – это знак сомнения, попытка проверить смущающие сведения. Но попытка неполная, дефектная, тавтологическая. Приятель Владислава не довел свое сомнение до настоящего поискового формата. Он получил лишь зеркальный отклик, эхо своего запроса, и теперь уже это эхо и создавшаяся тавтология повлекли его за собой. Он укрепился в своем незнании, незнание слилось с его идентичностью, а

«эгоистичный мем» ключевых слов запроса нашел еще одного своего носителя и приступил к размножению себя копированием подобно «эгоистичному гену» Р. Докинза (Докинз, 2013).

Произошло это потому, что стратегия поиска не предполагала иного ответа по сравнению с имеющимся, и когнитивная операция тестирования собственного знания не состоялась. Признаемся, это, безусловно, трудная задача, и особенно трудная для обыденного мышления. Кроме того, она не только мыслительная, методологическая, рефлексивная, но, как мы увидим позже, возможная или невозможная в рамках культуры в целом.

Кейс «Культурный хоррор». При ближайшем рассмотрении задача по тестированию знания оказывается не только когнитивной операцией. Ее решение требует личностного усилия. Вот одна из ситуаций моего университетского опыта.

Студенты первого курса, направление «Воспитательная работа», дисциплина «Субкультура детства». На семинаре обсуждаем разнообразие национальных культур. На полном серьезе сообщается, что представители одной из крупнейших наций на Земле (и называют ее, конечно) «едят нерожденных младенцев». В качестве подтверждения демонстрируют поисковую страницу интернета, где на эту тему зафиксировано несколько миллионов ответов, в том числе на иностранных языках и в сопровождении жутких фотографий. Шокирующая скандальность этих утверждений не заставила молодых людей даже попробовать проанализировать источники информации. Они приняли все на веру и аргументировали свою уверенность тем же способом, что Приятель Владислава – «вон сколько ответов в поиске!». То есть: доказательством истинности для них служит количество утверждений о том или ином событии, а потребности верифицировать информацию просто нет. Теперь она будет работать неконтролируемым образом, порождая непреднамеренные следствия. При этом остались без нагрузки ментальные

инструменты, которые должны были помочь ее осмыслить, осталось не тренированным собственно мышление.

Теоретическое отступление. Может ли быть рациональным познавательным шагом верификация информации ее количеством? Для этих молодых людей, так же, как для нашего Приятеля – да, может, потому что она опирается на другую убедительность: не знаний о явлении, а коллективных представлений о нем. Если множество людей в курсе факта, о котором говорится, и «люди что-то знают» – значит, это правда. Прекрасная иллюстрация знаменитой теоремы Уильяма Томаса: «Если ситуации определяются как реальные, они будут реальны по своим последствиям» и вместе с этим хороший пример *воплощенной формы познания* (Матурана, Варела, 2001, Фаликман, 2012, Varela, Thompson and Rosch, 1991, Lakoff and Johnson, 1999) – познания, опирающегося на телесные стимулы и удостоверенного высокой плотностью большого числа людей – носителей подобного знания.

Кажется, мы видим здесь модель возникновения массовых стереотипов и их роли в структурировании социума. Массовое «исповедание» какой-то единицы смысла, отдельного «мема» способно раздуть в семиотическом пространстве культуры информационный пузырь, в котором эти мемы сгущаются, «оседают» на поверхности сознания людей и тем самым образуют общность, практикующую эти смыслы. Концентрация определенных смыслов создает ту самую «массу», которой принадлежит массовое сознание, массовая культура, массовое мнение, а вместе с ними, как их общая база – коллективные репрезентации общего бытия (коллективные представления по Э. Дюркгейму). Далее они служат социуму «шифровальной матрицей» – средством опознания неявных значений и «получения санкций» на их использование. Через это «облачное хранилище репрезентативных файлов», как через зонтик, оберегающий от чужих и избыточных интерпретаций, которые норовят

вторгнуться в смысловые порядки *нашего* социума и сломать их, члены данного общества узнают, что именно они думают по какому-то поводу и как следует понимать всё вокруг себя.

Коллективные репрезентации окружающего мира возникают в групповых ритуалах, и решающее влияние на отдельного человека оказывает то, как долго и как часто он в них находится. Поразительно ясно высвечивается здесь роль современных информационных технологий! Чем, как не архаическим ритуальным действием являются по сути аффективные, суггестивные, тысячекратно повторенные тексты жрецов телерекламы и телепропаганды, а в резонанс с ними – поклонение многомиллионной аудитории телезрителей, вовлеченных в общее состояние ритуальностью, аффектами и суггестией? То есть: к делу влияния на «народные массы» сегодня привлечены ритуальные средства глубокой архаики. Они формировали древние общности, формируют теперь некоторые современные – причем именно по образу и подобию древних. Так на месте общества создается человеческая «масса».

Вернемся к кейсу «Культурный хоррор». Пытаюсь обсуждать казус «поедание нерожденных младенцев» с магистрантами второго курса направления «Социокультурный менеджмент». Рассказываю им результаты своих «раскопок»: что буквальное истолкование феномена многократно опровергнуто, что фотографии запечатлели муляжи акционистского жеста молодого художника, который создает метафору с глубокими культурно-историческими ассоциациями: это и бог Кронос древнегреческой мифологии, пожирающий своих детей (метафора Времени), и избиение младенцев царем Иродом (метафора, а возможно и факт борьбы за власть), и последствия революций, расправляющихся с вождями, которых она сама породила (метафора перерождения власти), и напоминание о подлинных событиях кровавого подавления студенческих волнений властями страны (площадь Тяньаньмэнь в Пе-

кине, 1989 г.) – но тщетно. Слышу в ответ от этих, уже относительно взрослых, людей вовсе невероятное – «так не интересно». В то время как поедание абортированной плоти как особенность национальной культуры – интересно...

Когнитивный инфантилизм. Приятель Владислава и мои студенты не проверили сомнительную информацию. Пора задать вопрос, почему они этого не сделали. У студентов это, видимо, просто инфантилизм – незавершенное, не преодоленное, не соответствующее взрослости детство. Они еще верят авторитетам на слово, а в информации о мире ищут захватывающие, яркие факты и поводы повеселиться. Если бы только это. Социальный инфантилизм – небезопасное явление. В его репертуаре поведение от телефонного хулиганства до терроризма. В данном случае мы говорим о когнитивном инфантилизме. Обычно в таких случаях говорят о недостатке критического мышления, но, кажется, слово «критическое» здесь лишнее, и надо говорить о мышлении как таковом и дефицитах когнитивного поведения как такового. Полагаю, что в их основе лежат не всегда осознаваемые глубинные причины.

Самосохранение. Если у студентов это инфантилизм, то с Приятелем Владислава сложнее. Его действия, скорее всего, продиктованы самосохранением. Он ограждает себя от информации, которая может разрушить его уверенность в себе и вообще картину мира. В результате предпринятая им половинчатая «проверка» лишь подтвердила то, что он и без того «знал», с чем у него сложилось тождество.

Бессознательное избегание фрустрации, связанное со страхом самоизменения и утраты идентичности, – явление, о котором писал еще А. Маслоу, называя его *сопротивлением познанию*. Он рассматривал это сопротивление в контексте самоактуализации, когда субъектом высшего уровня потребностей выступает не «человек, к которому что-то добавлено» (какая-то надспособность, сверх-стремление, супер-

усилия), а «обычный человек, у которого ничего не отнято». В нашем примере «отнято» познание, и самоактуализация невозможна, потому что чем ближе предмет познания к ценностному ядру личности познающего, тем больше он будет сопротивляться (Леонтьев, 2008: 75, 80-81).

Закон инакоНЕмыслия. Нельзя исключать также и того факта, что наши герои просто не смогли занять позицию проверки и артикулировать ее смыслы. Это могло случиться *по закону инакоНЕмыслия*, сформулированному Мерабом Мамардашвили. В его концепции языковых форм мышления инакоНЕмыслие – это такое состояние сознания, которое измеряется не тем, «что оно думает», а тем, чего оно не дает подумать и не дает сказать. По мысли философа, к этому ведет подчиненность мышления идеологии – знаковой системе, в которой жестко отстроены и взаимоувязаны все смыслы, язык смыслов сцеплен из неподвижных блоков, и в результате в таком сознании просто нет пространства, чтобы подумать нечто, не предусмотренное ими (см.: Мамардашвили, 1996: 316).

Подчиненность такого рода не позволяет помыслить *иное как таковое* – и это одно из неосознаваемых условий самосохранения. Это не умственная неспособность (эти люди здоровы и в других делах успешны), а *инструментальное бессилие* – отсутствие мыслительных средств производства иных смыслов. Такая неспособность может быть обусловлена психологически, но может иметь и чисто когнитивные истоки. В этих случаях познающий мозг настроен видеть преимущественно аналогии, сходства и тождества, но не различия, особенности и уникальности. Формула такой тавтологии – «Все такие, везде так», и вот уже она, как водоворот, засасывает в себя вот именно «всё». Плагиаторы чистосердечно недоумевают: «А что такого? Все так живут»; в социальных сетях широчайшее признание имеют аргументы «все такие, все воруют, во всех странах коррупция, нигде демократии нет...».

Сконструированный таким образом исключительно плотный, синкретический, мыслечувственный образ «все, всё» так же неизмеримо древен, как библейское и философское «*ничто*» (если это вообще не одно и то же). Всепобеждающая установка (и остановка) мышления работает под санкцией коллективных представлений: «все такие – и мы такие».

Что же за структура порождает подобные факты? Структура, способная задать истолкование явлений на базе какого-то одного смыслового агента, могущего «переписать» информацию под каким-то определенным углом, развернуть интерпретацию в определенную сторону? Так работает *вирус*, *вирусная программа*, и в данном случае ею является методологическая программа *холизма*.

Наше «Всё». Холизм (от др.-греч. «целый, цельный») – методологический, онтологический и ценностный принцип иерархического преобладания целого над его частями. Для нашего рассуждения он выступает как совокупность концептов «народного сознания» об устройстве социального мира. Можно сказать, что это «народная теория», «онтологема» этого сознания. В понимании связей целого и его частей «народный холизм» довольно точно соответствует научной и философской теории. Только свой объект – *общее, целое, единое* – он не рационализирует, а идеализирует, мыслит его ценностно и сакрально. Целое, общее оказывается иерархически выше, ценнее и важнее единичного и индивидуального. Вектор формирования системных свойств в народном холизме – не снизу вверх, когда отдельные самобытные элементы складываются в систему с новым качеством, а сверху вниз – от целого к частям. То есть: целое «является» миру через свои части, передает им свои свойства и этим связывает их с собой и друг с другом.

Более чем вероятно, что холизм массового сознания доносит до нас «методологический принцип» архаического, племенного мироощущения, когда в сознании людей единственным реальным существо-

ванием обладает вечный Род, «коллективное тело» Рода, а индивид представляется лишь расходной единицей, временным средством его поддержания. Если это так, то известное выражение «бабы новых нарожают» будет совершенно естественной формулой вечности Рода и совершенно естественной его моралью. Но не забудем, что племенной, а не общественной. В наши дни холизм массового сознания тоже направлен на сакрализацию целого. Он служит средством производства и объяснительным принципом для социальных установок державного духа, абсолютной власти, «соборности» и коллективизма, единого и неделимого патерналистского государства. Он может проявляться почти телесным ощущением принадлежности чему-то общему, обернуться болезненной реакцией на отторжение его частей и эйфорией от их «возвращения в лоно», как это было в случае Крыма.

Кейс «Родная власть». Холистическая «телесная» гипотеза почти удостоверяется монологом одного из информантов известного российского социолога Дм. Рогозина (сетевой псевдоним И. Низгораев). Далее цитата: «Обидно за нашу власть. Что же она, к*ва, все время задом поворачивается? Обидно, – а защищать её буду от всяких ушлёпков, потому что наша она, родная. Что бы ни случилось за неё встану, а обиду свою скомкаю и выброшу к е*й матери. За родное можно и не такое сделать. Это вы, москвичи, охренели, зажрались своими свободами, тьфу на вас, м*в гр*x. Подумали бы о родине чуть-чуть, хотя бы самую малость. Обидно за власть, а за вас стыдно»³.

«Народный холизм» всецело присутствует в этом рассуждении даже при том, что понятия *власти* и *родины* в нем разделены, но власть при этом – «родная», и это ключевое слово. Она – нашего рода, нашего народа, здесь рождена, и это глубоко

³ Низгораев И. Обидно за нашу власть (2019) / Блог на Фейсбуке URL: <https://www.facebook.com/nizgoraev> (дата обращения: 22.07.2020)

укорененное в культуре представление, отдельно взятый человек из «глубинки» мыслит почти так же, как А.С. Пушкин: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног – но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство» (Пушкин, 1962: 233). А «москвич» – как раз иностранец, чуть ли не враг, и точно враг моих представлений, моей картины мира, моей идентичности – ведь, предлагая оценивать власть отдельно от родного целого, он пытается разъять мое целое на части.

Когнитивные дефициты обусловлены социально и культурно («выученная когнитивная беспомощность»). В культурно зацементированном пространстве холизма вершит свою работу не что иное, как *инакоНЕмыслие*, ибо жестко сцепленные блоки *общего и целого* не позволяют пробиться сквозь них идеям, ведущим к узнаванию чего-то иного. В результате люди не верят, например, в нематериальные ценности тех, кто протестует против установленного порядка. Развитие, свобода, демократия, право, ценность человеческой личности для них пустые слова. «Вам заплатили» – единственное объяснение для поведения несогласных. Те, кто так говорит, действительно, на самом деле, реально не понимают, как возможно по-другому, а это и есть *инакоНЕмыслие*.

Людей этому научили. При этом не учили, а точнее, жестко подавляли всякое сомнение и всякое задавание вопросов. У нас в социальном опыте нескольких поколений – семейная и школьная выучка готовых ответов. И люди ищут ответов, не задавая вопросов. Это и сегодня трудно, если не идеологически, то психологически, ведь чтобы задать вопрос, нужно увидеть имеющееся у тебя знание на фоне незнакомого контекста и усомниться в нем. Для этого нужны другие познавательные установки, открытость другому, чужому, мнению и терпимость к чужому мнению в том сильном смысле, чтобы не просто допустить его существование, а быть способным понять его, даже отвергая, и оперировать им

как своим – *мыслить за «другого» в его категориях*. Но *инакоНЕмыслие* мешает.

К тому же, эти «другие» – вообще «ад», как позволил нам думать Ж.-П. Сартр. Они не так думают, не так говорят, не так ведут себя, не так разговаривают, не так одеваются, не так едят и не так пахнут. Признаемся себе – они ведь не только культурно, но и антропологически, физиологически, а может быть, и нейропсихически другие – «у них мозги не так устроены».

Причины *инакоНЕмыслия* глубже идеологии: нейропсихическое и нейрокогнитивное отторжение. Феномен *инаконемыслия* как неспособности оперировать категориями и образами «иногo» я отнесла бы на счет *нейропсихического и нейрокогнитивного отторжения*. Нельзя помыслить то, что отвратительно твоему уму и организму. Организму – в буквальном смысле, потому что когнитивное отторжение (это «не моё», чужое, низкое, не выношу, ненавижу) эволюционировало из физиологического отвращения (грязное, заразное, ядовитое). Таковы экспериментальные свидетельства нейробиологии, эволюционной психологии, нейрокогнитивистики. Согласно данным этих наук, физиологическое пищевое отвращение, эволюционно способствовавшее выживанию, является основой многих социальных и поведенческих свойств человека – от предрассудков до морали. Более того, указанные свойства до сих пор неосознаваемо связаны с этими ощущениями (Марков, 2007, Sapolsky, 2015). Иногда это находит выражение в языке, выливается в запоминающиеся формулы, и тогда мы понимаем, что это чистая организменная правда, совершенно точная, языком плоти сказанная, шуточная и совсем не шуточная: «Такую неприязнь испытываю, что кушать не могу» или «Не читал и не нравится». Телесно-смысловое ощущение того, что считается «нечистым», не позволяет проникнуть через «поведенческую иммунную систему», матрицу шаблонов и стереотипов, и кому-то на самом деле становится *физиче-*

ски невозможно слушать другую, чужую, правду. Она кажется им безобразным, чуждым, смертельно опасным, враждебным действием, посягающим на саму их суть, душу, личность, мозг.

Многие знают по себе это «кодирование телом» наших ощущений и чувств. Бывает физически больно от боли другого человека, невозможно смотреть на погибающую в пожаре тайгу, или тошнота подкатывает к горлу от понимания совершаемого кем-то зла, даже если ты видишь его в кино. Нейропсихическое, нейрокогнитивное, интеллектуальное отторжение, желание «развидеть» все это зло почти сливается здесь с физиологическим отвращением и призывом исторгнуть из себя отравляющую субстанцию. Не съесть отравленного. Только очень высокий интеллект и усилия рефлексии могут перебороть эти ощущения, и тогда становится возможным анализировать чужую правду и чужую изощренную ложь. Иными словами, это невероятно трудно – мыслить за другого, то есть мыслить то, что может быть тебе противно. Происходит это из чувства самосохранения – и с этим трудно бороться.

Культура познания формирует мозг. Разумеется, не только отторжение кодируется телом. Не только *немыслие*, но и мысль (причем мысль прежде всего) имеют свое воплощение – телесную основу. Когнитивная наука и психоанализ научили нас понимать, что сознание, мышление, разум представлены «общетелесно и всеорганно» (Решетников, 2010: 5), они есть состояния «воплощенные» (Матурана, Варела, 2001: 20), то есть создаваемые, в том числе плотью – всеми органами тела. Это те нейронные, гормональные, психические и сознательно-бессознательные когнитивные механизмы, которые позволяют нам чувствовать, двигаться и мыслить, питая и порождая нашу память, образы и понятия. И, разумеется, все это работает всегда и везде.

Всегда – в том числе во сне и даже в коме – работает мозг. И не учитывать его присутствие и его работу в исследовании

социальных форм мышления, ментальности, массового сознания больше нельзя. Для когнитивистики это основное рабочее представление, а для социальной науки новость, требующая констатировать то, что мы до сих пор не принимали во внимание: во всех когнитивных (социокогнитивных) ситуациях участником совокупных процессов мышления являются тело и мозг как таковые. Настало время включать их в анализ.

Сегодня мы знаем о мозге много нового и в высшей степени важного. Прежде всего – он пластичен, то есть не завершает свое формирование в детстве, как ранее долго считалось, а изменяется на протяжении всей жизни. Любая систематическая деятельность заставляет мозг генерировать новые нейронные связи, и таким образом он непрерывно «учится» – изменяет свою структуру и функционирование (Дойдж, 2009).

Под интенсивным воздействием обучения, внушения и пропаганды в мозге могут формироваться такие *устойчивые нейронные структуры, которые поддерживают определенные смысловые автоматизмы*. Не их ли мы знаем под именем «стереотипы»? Но тогда их жесткость – не свойство так называемого «менталитета» (особенно «такого», «нашего» менталитета) – фантома, перекрывающего все дискуссии о возможностях изменений в нашей культуре и устройении общества. Жесткость стереотипов хуже, чем менталитет – это *закрепленность и автоматизм нейробиологических, психофизиологических, не контролируемых разумом реакций*. Если правда, что мысли не только «производятся» мозгом, но и «производят» мозг, то путем манипуляций с сознанием людей обществу вменяют не только определенные стереотипы мышления, не только содержание концептосферы культуры, ее знаний, представлений, ментальных образов, символов, объяснительных моделей (Лихачев, 1993), но и *нейробиологические реакции*. То есть вторгаются в работу мозга.

«Учеба мозга», его пластичность – медаль с двумя сторонами. Потому что она и добро, и зло. Мозг всеяден. Он учится всему, вбирает в себя все, что на него обращено – и важное и неважное, и хорошее и плохое, и полезное и бесполезное. Ему безразлична культурная ценность поступающих информационных сигналов, с их содержанием он не работает – не оценивает, не отбирает, не проверяет. Всем этим занимается человек – владелец, «хозяин» мозга. Но вот «хозяин ли он ему?» – это вопрос человеческого сознания, рефлексии, усилия быть человеком, а значит, культуры, общества, социализации и воспитания с его педагогическими установками.

Чтобы физиологически, нейробиологически, «материально» перестроить мозг, нужна тотальная, направленная интервенция. Отпусти его на передышку, дай возможность «подумать» – и мозг «увидит» и противоречия, и ложь, и сами эти направленные на него, но не объявленные ему воздействия. Нужны моменты тишины, когда рождается собственная мысль, просыпается собственная субъектность, человек прислушивается к себе и что-то решает сам. Даже в диалогах с умирающими нужны эти моменты тишины (Соломонова, 2019). Тишина – момент понимания. Вот почему пропаганда этого не допускает. Она непрерывна, аффективна, истерична и полна исключительно негативных смыслов. Она целенаправленно не дает опомниться и буквально форматирует мозг включенных в ее орбиту людей, транслируя ему шаблонные ментальные операции, то есть *обучая этим реакциям*. Сегодня именно их мы называем *иначе НЕмыслием*, и в этом случае соглашаемся с Гераклитом: «Люди не мыслят». Но не потому, что не могут, а потому, что им не дают этого делать. Это означает, что у мозга отбирается владелец – личность человека.

Субъекты иначе НЕмыслят. Разбирая ошибки когнитивного поведения наших героев, мы мало говорили о них са-

мих как мыслящих, познающих субъектах. Необходимо восполнить этот пробел.

Спор о конечной инстанции, создающей знание, идет в философии и науке на протяжении веков: высший ли это разум с его законами или индивид с его опытом? Рациональная традиция выдвигает на передний план познания самосознающего индивида. Так, согласно идее И. Канта, мыслящий «сам является творцом опыта», сам связывает знания и характеристики объекта – однако следуя при этом «вечным и неизменным законам разума», которым *подчиняется отдельный эмпирический разум правильно мыслящего человека*. Одновременно Кант выдвигает требование так называемого «синтетического единства апперцепции», когда многообразие объекта должно быть представлено в одном самосознании, в одних представлениях; «в противном случае я имел бы столь же пестрое разнообразие Я (Seihst), сколько у меня есть сознаваемых мной представлений» (Розин, 2001: 134-135). Иными словами, если мои познавательные усилия содержат множество преставлений об объекте, но не связывают их между собой в единое сложное целое, то познающее «Я» фактически расколото на столько самосознаний, сколько я имею образов объекта.

Эта идея устанавливает связь между личностью и ее самостью, с одной стороны, качеством процедур мышления, с другой, и результатом мышления, то есть содержанием мысли, с третьей. С учетом этих связей мы, во-первых, убеждаемся в правомочности предъявлять любому индивиду требование мыслить по правилам «вечного и неизменного закона разума», то есть мыслить «правильно» – не по смыслам, а по надсмысловым, универсальным, метапредметным навыкам, а во-вторых, с большой вероятностью можем предполагать, что когнитивные дефициты en masse и феномен «люди не мыслят» являются следствием *социальных проблем личностного развития*. Возможно, следствием *расколов в персональной идентичности*, которая в этом состоянии неспособна постро-

ить необходимый аппарат мышления, позволяющий связать между собой разные образы познаваемого объекта.

Иными словами, чтобы мыслить, надо самому быть целостным субъектом, надо приложить к мышлению немалые усилия. И наоборот: личностная нецелостность препятствует когнитивной и познавательной полноте мышления. Как в следующем примере.

Кейс «Я бы снова за него проголосовала». Информант – женщина лет пятидесяти, кассир в супермаркете. Ей совсем не нравятся повышение пенсионного возраста, рост цен на продукты и бензин для автомобиля, но она «снова бы за него проголосовала» – за президента, при котором все это происходит, и который, как она согласна, несет за это ответственность. Снова проголосовала бы (далее цитата): «Почему? – А вот так! Муж, бывает, жену бьет, а она все равно его любит и не уходит. Потому что знает, что он хороший, а жизненные неурядицы проходят»⁴.

На удивление ясная иллюстрация переклочения из одного ситуативного пространства идентичности в другое, но оба эти пространства построены по одной и той же, неявно существующей, схеме и при неявно существующей связи, которая называется «все равно». Эти ситуации для нее «равны», а их, мягко выражаясь, различия несущественны. Относительно героини здесь не имеются в виду ни патология так называемого «раздвоения личности», ни множественность ролевых вариаций поведения. С нашим объектом внимания, когнитивными ограничениями, их следует различать.

Какие здесь можно усмотреть когнитивные операции и когнитивные ограничения?

Прежде всего, модель одной ситуации применяется для объяснения другой.

Это как раз правомерный шаг, одна из ключевых техник объяснения явлений.

Но объяснение это не аналитическое, а отождествляющее; отождествляются социальная и политическая реальность общества с семейной. С точки зрения правильного мышления это уже инверсия, потому что общее сводится к частному, сложное – к простому. Непонятная информанту сложность социального объекта упрощается до очевидного.

Обе части суждения опираются на добровольное принятие глубоких социальных деформаций – в одном случае, лжи и ухудшения жизни, в другом – насилия. И то, и другое не одобряется, но привычно принимается как норма. Тем самым легитимизируется виктимность – готовность быть жертвой в обоих случаях – и в семье, и для государства. Конечно, это бессознательная готовность и бессознательная легитимация, но тем более они прочны.

В этом кейсе мы снова видим феномен «люди не мыслят» как отказ от познания. На базе этого отказа как самоограничения совершается социальное действие не целевого и рационального характера, каким, по идее, могло быть изменение ситуации (уход от насильника-мужа), а архаического, традиционного, воспроизводственного типа («так было и так будет», «все так живут») – то есть не решение проблемы, а застревание в тупике. Психолог отнес бы такое объяснение к фактам «рационализации бессознательного» и по-своему был бы прав, но в социокогнитивном анализе мы должны полностью доверять сказанному, и тогда увидим познавательную правду этой индивидуальной мысли – эта женщина любит и хочет любить. Своим чувством она превозмогает вероятный и угадываемый шок от результатов собственной холодной оценки, которая у нее, на самом деле, есть, и которая может заставить делать что-то, что изменит тебя и твой мир. И женщина любовью попирает эту свою, своей нынешней личности, смерть. Она хочет жить, и она переступает через свою тайную мысль.

⁴ Яшин И. Магазин Metro, поздний вечер, 2018 г. / Блог на Фейсбуке, 17 июля 2018 г. URL: <https://www.facebook.com/yashin.ilya/posts/1810602392326731> (дата обращения: 24.07.2020)

Чувство, уводящее от ясного взгляда, – как вера, уводящая от разума: «Верую – ибо абсурдно» – верую, переступая через разум и связанные с ним труды ума, усилия мышления.

О тяжелых трудах мышления пишет М.К. Мамардашвили: «Чтобы мыслить, необходимо *мочь* собрать не связанные для большинства людей вещи и держать их собранными»; нужны «мускулы мысли», нужно осмелиться «практиковать сложность» (Мамардашвили, 1992, 115). Философ фактически подтверждает для нас диагноз Гераклита, и именно в отсутствии этих усилий видит причину мыслительной вялости в социуме: «К сожалению, большинство людей по-прежнему, как и всегда, мало к чему сами по себе способны и ничего не знают, кроме хаоса и случайности. Умеют лишь звериные тропы пролагать в лесу смутных образов и понятий» (Мамардашвили, 1992, 115).

Социологическое расширение: социокогнитивная гипотеза. Разбор нескольких кейсов «люди не мыслят» позволяет совершить социологическое расширение проделанных наблюдений и поставить вопрос о социальных эффектах частного, индивидуального мыслительного опыта, агрегированного в большие массивы. В частности, об отказах общества от самопознания ради поддержания традиционной идентичности и о роли когнитивных дефицитов в социальном устройстве и социальном развитии общества.

Сегодняшняя целевая подгонка российского социума «под ответ», необходимый формирующейся политической тотальности, идет на поле воплощенного сознания народа – общетелесно и ментально. Но тело, кажется, вырвалось на свободу – открытой сексуальностью, «умной толпой» мегаполисов (Рейнгольд, 2006), «коллективным телом» митингов и шествий, причем тоже умным, культурой фитнеса и бодипозитива, нежеланием скрывать свою фигуру, какой бы она ни была, и другими фактами эмансипации от предписаний прошлого. Сегодня мы готовы признать за

массовым сознанием способность к определенной когнитивной работе (Крокинская, 2016), однако коллективный мозг нации все еще доступен для обучения иначе *НЕ*мыслию, потому что тотально работают массовая пропаганда и образование, которое, к сожалению, не ставит себе целью развитие мышления молодых людей.

В этой ситуации мы можем предположить, что:

«выученные» когнитивные дефициты, сформированные работой социальных, культурных, политических институтов и массовых практик, *нарушают функционирование и нейрофизиологию самого субстрата мышления – мозга;*

массово выраженные когнитивные дефициты («люди не мыслят») нарушают работу поисковых систем социальности и *делают нежизнеспособной всю систему,* так как распространяют по ее каналам непродуктивные, неverifiedированные репрезентации действительности, не позволяют совершать продуктивный аутопойезис – самосозидание, саморазвитие (Матурана, Варела, 2001).

В связи с этим в научном плане полагаю правильным ставить *вопрос о полной, целостной структуре феномена массового сознания, включающей все уровни его функционирования и регуляции – от воплощенных, телесных поведенческих форм и состояния мозга как такового до рефлексии.* Моя гипотеза о массовом сознании состоит в следующем:

так же, как работа индивидуального сознания формирует нейронную структуру мозга – так работа массового сознания формирует какие-то (пока неясно, какие) структуры когнитивных систем социума;

манипуляции массовым сознанием фактически проводятся не только на его содержании, смыслах и концептосфере культуры, но и непосредственно на когнитивных инструментах как средствах производства познавательных операций; в конечном счете – на мозге в его, пока метафорически выражаясь, «распределенной

форме» – коллективной, народной, популяционной.

Надеюсь, я работала достаточно строго, когда старалась показать условия, при которых мы вынуждены говорить: «Люди не мыслят». Убедена, что это именно условия, а не органические пороки, не врожденные инстинкты и не кодирующие программы. Это, конечно, очень глубокие и мало осознаваемые, но все же доступные для анализа результаты длительного культурного обучения определенным привычкам мышления – когнитивному бессилию, инако*НЕ*мыслию. А значит, как бы это парадоксально или даже скандально ни звучало, – для компенсации традиционно заложенных когнитивных дисфункций *инакомыслию надо учить*. А если назвать инакомыслие *дивергентным мышлением* – то получится уже не так и скандально.

Социокогнитивистка с ее выходами на структуры массового сознания и системы социального мышления сегодня очень нужна и науке, и обществу. Мне кажется, без ее участия мы феномена русской истории с ее хождением по кругам ада объяснить не сможем. Ни объяснить – ни изменить.

Литература

Дойдж, Н. Пластичность мозга. Потрясающие факты о том, как мысли способны менять структуру и функции нашего мозга / Пер. с англ. Е. Виноградова. М.: ЭКСМО, 2009. 576 с.

Докинз, Р. Эгоистичный ген / Пер. с англ. Н. Фоминой. М.: АСТ, CORPUS, 2013. 509 с.

Крокинская, О.К. «Карты правду говорят...»: когнитивная сила социо-этической метафоры // Десятые Ковалевские чтения / Матлы науч.-практич. конф. 13-15 ноября 2015 г. СПб.: Скифия-принт, 2015. С. 1270-1272.

Крокинская, О.К. Культурная память и опыт в практиках конструирования будущего обыденным сознанием // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Том XIX. № 4 (87). С. 142-158.

Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004. 256 с.

Леонтьев, Д.А. Абрахам Маслоу в XXI веке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 3. С. 68-87.

Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1993. Т. 52. № 1. С. 3-9.

Мамардашвили, М.К. Язык осуществившейся утопии // Мамардашвили М.К. Необходимость себя. Лекции. Статьи. Философские заметки. М.: Лабиринт, 1996. С. 303-316.

Мамардашвили, М.К. Сознание и цивилизация // Мамардашвили, М.К. Как я понимаю философию. Изд. 2, изм. и доп. М.: Прогресс-Культура, 1992. С. 107-121.

Марков, А. Отвращение — основа нравственности? 2007 г. // ЭЛЕМЕНТЫ [Электронный ресурс] URL: https://elementy.ru/novosti_nauki/430543 (дата обращения: 22.08.2020).

Матурана, У.Р., Варела, Ф.Х. Древо познания. Биологические корни человеческого понимания.: М. Прогресс-Традиция, 2001. 223 с.

Плотинский, Ю.М. «Общество знаний» и развитие когнитивного подхода // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2010. № 1. С. 49-53.

Пушкин, А.С. Собрание сочинений: в 10 тт. Т. 9. Письма 1815–1830. М.: ГИХЛ, 1962. 494 с.

Рейнгольд, Г. Умная толпа: новая социальная революция. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. 416 с.

Решетников, М.М. Почему психоанализ? Изд. 2-е. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2010. 44 с.

Розин, В.М. Мышление в контексте современности (От «машин мышления» к «мысли-событию», «мысли-встрече») // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 134-135.

Соломонова, И. Доктор, помолчите. Как научить врачей разговаривать с умирающими // Будущее (Republic): электронный журнал, 2019. 3.09. URL: https://republic.ru/posts/94587?utm_source=public.ru&utm_medium=email&utm_campaign=morning (дата обращения: 22.07.2020).

Фаликман, М.В. Когнитивная наука в XXI веке: организм, социум, культура // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека

«Дубна»: электронный журнал, 2012. № 3. URL:

<https://psyanima.su/journal/2012/3/2012n3a2/2012n3a2.1.pdf> (дата обращения: 22.07.2020).

Lakoff, G., Johnson, M. *Philosophy in the Flesh: The embodied mind and its challenge to Western thought*. New York: Basic Books, 1999. 610 p.

Sapolsky, R. «Metaphors Are Us» // *Nautilus*: [Online science magazine], 2015. URL: <http://nautil.us/issue/29/scaling/metaphors-are-us-rp> (дата обращения: 22.07.2020).

Varela, F.J., Thompson, E., Rosch, E. *The embodied mind: Cognitive science and human experience*. MA, Cambridge: MIT Press, 1991. 308 p.

References

Dokinz, R. (2013), *Egoistichnyy gen* [The selfish gene], Translated by Fomina, N., AST, CORPUS, Moscow, Russia (in Russ.).

Doydzh, N. (2009), *Plastichnost' mozga. Potryasayushchiye fakty o tom, kak mysl' sposobny menyat' strukturu i funktsii nashego mozga* [Plasticity of the brain. Stunning facts about how thoughts can change the structure and functions of our brain], Translated by Vinogradova, Ye., EKSMO, Moscow, Russia (in Russ.).

Falikman, M. V. (2012), "Cognitive science in the 21st century: organism, society, culture", *Psikhologicheskii zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshchestva i cheloveka «Dubna»* [Online], 3, 31-37, available at: <https://psyanima.su/journal/2012/3/2012n3a2/2012n3a2.1.pdf> (Accessed 22 July 2020) (in Russ.).

Krokinskaya, O. K. (2015), "The cards tell the truth ...": the cognitive power of socio-ethical metaphor", *Desyatye Kovalevskie chteniya* [Tenth Kovalev readings], 1270-1272, Skifiya-print, St.-Petersburg, Russia, [Online], available at: <http://soc.spbu.ru/nauka/publications/> (Accessed: 22 July 2020) (in Russ.).

Krokinskaya, O. K. (2016), "Cultural memory and experience in the practice of constructing the future by everyday consciousness", *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, T. XIX, № 4 (87), 142-158 (in Russ.).

Lakoff, G. and Johnson, M. (2004), *Metaphors We Live By*, URSS, Moscow, Russia (in Russ.).

Lakoff, G., Johnson, M. (1999), *Philosophy in the Flesh: The embodied mind and its challenge to Western thought*, Basic Books, New York.

Leont'yev, D. A. (2008), "Abraham Maslow in the 21st century", *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 5 (3), 68-87 (in Russ.).

Likhachev, D. S. (1993), "Conceptual framework of the Russian language", *Izvestiya AN SSSR. Seriya literaturny i yazyka*, 52, (1), 3-9 (in Russ.).

Mamardashvili, M. K. (1992), "Consciousness and civilization", *Kak ya ponimayu filosofiyu* [How I understand the philosophy], Ed. 2, ed. and add., Progress-Culture, Moscow, Russia (in Russ.).

Mamardashvili, M. K. (1996), "The language of a realized utopia" *Neobkhodimost' sebya. Lektsii. Stat'i. Filosofskie zametki* [Necessity of oneself. Lectures. Articles. Philosophical notes], Labyrinth, Moscow, Russia (in Russ.).

Markov, A. (2007), "Disgust - the basis of morality?", *Elementy* [Online], available at: https://elementy.ru/novosti_nauki/430543 (Accessed: 22 July 2020) (in Russ.).

Maturana, U. R. and Varela, F. Kh. (2001), *Drevo poznaniya. Biologicheskiye korni chelovecheskogo ponimaniya* [The tree of knowledge. The biological roots of human understanding], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Plotinskiy, Yu. M. (2010), "Knowledge Society" and the development of a cognitive approach", *Bulletin of Moscow University. Ser. 18. Sociology and political science*, 1, 49-53 (in Russ.).

Pushkin, A. S. (1962), *Sobraniye sochineniy : v 10 tt. T. 9. Pis'ma 1815-1830* [Collected works : in 10 v. V. 9. Letters 1815-1830], Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, Moscow, Russia (in Russ.).

Reshetnikov, M. M. (2010), *Pochemu psikhoanaliz?* [Why psychoanalysis?], 2nd Edition, Vostochno-Yevropeyskiy Institut Psikhoanaliza, St. Petersburg, Russia, (in Russ.).

Rheingold, H. (2006), *Umnaya tolpa: novaya sotsyal'naya revolyutsiya* [Smart Mobs: The Next Social Revolution], Translated by Gar'kavoy, A., Fair-Press, Moscow, Russia (in Russ.).

Rozin, V. M. (2001), "Thinking in the context of modernity (From "thinking machines" to "thought-event", "thought-meeting")", *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 5, 134-135 (in Russ.).

Sapolsky, R. (2015), "Metaphors Are Us", *Nautilus*, [Online], available at: <http://nautil.us/issue/29/scaling/metaphors-are-us-rp> (Accessed: 22 July 2020).

Solomonova, I. (2019), “*Doktor, pomolchite. Kak nauchit' vrachev razgovarivat' s umirayushchimi*” [How to teach doctors to talk with the dying]. 3.09 [Online], available at: https://republic.ru/posts/94587?utm_source=republic.ru&utm_medium=email&utm_campaign=morning (Accessed: 22 July 2020) (in Russ.).

Varela, F. J., Thompson, E. and Rosch, E. (1991), *The embodied mind: Cognitive science and human experience*, MIT Press, Cambridge, MA.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Крокинская Ольга Константиновна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, Набережная реки Мойки, д. 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия; krokinskaya@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Olga K. Krokinskaya, Doctor of Sociology, Professor, Department of Sociology, Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., St. Petersburg, 191186, Russia; krokinskaya@mail.ru